

«ПРОСВЕЩЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ» В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII В. *

Истоки русского национализма следует искать в тех культурных изменениях, которые произошли в России в XVIII в. Начало XVIII столетия, сопровождавшееся петровскими реформами, которые не редко характеризуют как эпоху ученичества, как период заимствования достижений западноевропейской науки, культуры и перенесения европейского образа жизни в Россию. Вместе с рецепцией культурных форм российское образованное сословие перенимало и распространенную в Европе оценку России и русской культуры. Усвоение этой негативной оценки и переориентация культурных процессов привели к культурному расколу в России, к синхронической (между слоями российского общества) и диахронической (между поколениями) утрате культурного, а вместе с ним и национального единства. Однако уже к середине XVIII в. начинает формироваться реакция на европеизм и нарастать его критика [1, с. 269]. Причем эта критика может быть представлена в виде конкретных событий. Первым из них стала полемика по «нормандскому вопросу».

История этой полемики такова. 6 сентября 1749 г. в Академии наук должно было состояться ежегодное торжественное публичное собрание, на котором предполагалось заслушать речи академиков Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) «О происхождении имени и народа российского» и М.В. Ломоносова «Похвальное слово императрице Елизавете Петровне». Труд Миллера встретил резкое сопротивление среди большинства других членов Академии, а недоброжелательно относившиеся к Миллеру советник академической канцелярии Иоганн Даниил Шумахер (1690–1761) и глава исторического департамента Г.Н. Теплов (1717–1779) инициировали ее обсуждение. В автобиографии Миллер вспоминал: «В 1749 г. написал я на латинском языке сочинение о начале российского народа и имени, переведенное и на российский язык и напечатанное на

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

обоих языках. Сие сочинение было определено для прочтения в публичном академическом собрании; но по собливному происшествию учинилось в том препятствие, и сие сочинение не обнародовано» [2, с. 153]. В своем труде Миллер, опираясь на работу служившего в Петербургской академии наук немецкого историка Готлоба Зигфрида Байера (1694–1738) «О варягах» (*De varagis*; русский перевод – СПб., 1767), в свою очередь пользовавшегося немецким переводом текста Радзивиловского списка «Повести временных лет» с 860 по 1175 г., переведенном тем же Миллером, признавал Рюрика варягом, а варягов – основателями русского государства.

Главным противником Миллера выступил М.В. Ломоносов, его поддержали академики С.П. Крашенинников, Н.И. Попов, В.К. Тредьяковский, И.Э. Фишер, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. Ломоносов следующим образом описывал сложившуюся в Академии ситуацию: «После того велено Миллеру для публичного акта в Академии сочинить речь или диссертацию из российской истории, к чему он избрал материю, весьма для него трудную, – о имени и начале российского народа, которая, как только без чтения перед Профессорским собранием напечатана и в Москву к президенту для апробации отослана, немедленно публичный акт отложен, и речь Миллерова отдана на рассмотрение некоторым академическим членам, которые тотчас усмотрели немало неисправностей и, сверх того, несколько насмешливых выражений в рассуждении российского народа, для чего она и вовсе оставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в Собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И, наконец, у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего ассессора Теплова в глаза обесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились, и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты» [3, с. 391–392].

В критике норманнской теории Ломоносов исходил скорее из патриотических, а не научных соображений, отстаивал точку зрения о южном (византийском) происхождении власти на Руси, получившей

распространение на рубеже XV–XVI вв. («Сказание о князьях Владимирских», «Сказание о Вавилоне-граде», «Повесть о новгородском белом клобуке», «Москва – третий Рим» и др.), а впоследствии повторенной в популярном историческом сочинении «Синописе». В своем «репорте» он пристрастно разбирал сочинение Миллера, считая, что оно построено на «зыблющихся основаниях», «и весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особливо она для многих дигрессий весьма темна» [4, с. 21]. В то же время русский ученый признавал: «Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках» [4, с. 18].

Обсуждение диссертации Миллера продолжалось на академических собраниях до марта 1750 г. В итоге, академики осудили доклад Миллера, он был понижен в должности (из профессоров переведен в адъюнкты), а его «скаредную диссертацию» было велено уничтожить.

В 1751 г. Ломоносов приступил к написанию собственного труда по русской истории – «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года». В сентябре 1758 г. рукопись «Древней Российской истории» была передана для печатания в Академическую типографию, однако в полной мере печатание книги началось только в феврале 1763 г. после многочисленных доделок рукописи Ломоносовым. Первый том произведения Ломоносова, состоящий из двух частей: «О России прежде Рурика» и «От начала княжения Рурика до кончины Ярослава Первого» вышел в 1766 г. уже после смерти автора. Это был первый изданный в XVIII в. труд по русской истории; до этого единственным печатным историческим сочинением был «Синописис» к тому времени уже устаревший. Следуя во многом концепции «Синописиса», Ломоносов рассматривал русскую историю как череду поражений и побед. «Каждому несчастью, – писал он во “Вступлении”, – последовало благополучие, больше прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи» [5, с. 48]. Русская история являла пример благотворности монархической власти: «...самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастных времен умножилась, укрепились, прославились.

Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и великими примерами» [5, с. 50]. Предисловие к изданию 1766 г. «Древней Российской истории» Ломоносова написал немецкий историк Август Людвиг Шлецер. Он же способствовал переводу этого произведения, а также ломоносовского «Краткого Российского летописца» (1760) на немецкий язык.

Впоследствии «норманский вопрос» привлекал внимание практически всех крупных русских историков XVIII–XX вв. Можно, в частности, вспомнить публичный спор Н.И. Костомарова с М.П. Погодиным в Петербургском университете. Периоды норманизма сменяли периоды официального антинорманизма и наоборот. Факт призвания варягов и его различные интерпретации включали все основные философские концепции русского исторического процесса, ближайшим примером которых стали споры западников и славянофилов.

Следующая полемика, вызвавшая критику европеизма, состоялась два десятилетия спустя после осуждения миллеровской диссертации. Эту полемику можно обозначить как «Спор о нравах». Вызван он был следующими обстоятельствами. В пятом листе журнала «Всякая всячина», издаваемом по инициативе Екатерины II была опубликована мистификация – письмо некоего Евдокима Примечаева, возбуждавшее спор о «татарских нравах». Корреспондент, в частности, писал: «...много, о чем мы думаем, что то есть или был наш обычай; напротив того он к нам прильнул от старинных злодеев наших Крымских татар. Смело можно разделить наши обычаи на два рода: первые – *природные*, другие – *Татарские*. Все хорошие обычаи суть природные Российские; все же дурные суть Татарские» [6, с. 35–36]. В шестом и одиннадцатом листах «Всякой всячины» вновь поднималась тема о «татарских нравах». В ходе дискуссии вопрос о «татарских нравах» принял более пространственный характер: о значении нравов вообще, их происхождении и о русском национальном характере.

С критикой взглядов Е. Примечаева выступил А.П. Сумароков, анонимно опубликовавший в журнале М.Д. Чулкова «И то и сию» заметку «Противуречие г. Примечаеву». Порча русских нравов, по мнению Сумарокова, была вызвана влиянием не татар, а европейцев. «Татары

имели основание на мужестве и истине, и нас никогда не портили; а портят благородное Российское юношество французские худонравные учителя... Вот причина нашего развращения, а не Татары» [7, с. 315–316]. Вскоре в журнале «И то и сие» была опубликована очередная мистификация, подписанная Елисеем Прямиковым, в которой выражалась солидарность с точкой зрения автора «Противуречия г. Примечаеву».

Инициированное Екатериной II обсуждение «татарских нравов» было вызвано начавшейся в 1768 г. русско-турецкой войной, в которой Турцию и ее союзника Крымское ханство поддержала Франция. В том же 1768 г. в Париже вышла книга аббата Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь... содержащее в себе нравы и обычаи русских и теперешнее состояние этой державы», в которой помимо сведений об экономике, нравах, истории России имелись оскорбительные оценки русских нравов и критика российской политической системы. В основу сочинения Шаппа д'Отроша легли впечатления о России, которую он посетил в 1767 г. с целью наблюдения прохождения Венеры через диск Солнца. В 1770 г. в Петербурге на французском языке, в следующем году на немецком языке в Амстердаме, а в 1772 г. по-английски в Лондоне была издана двухтомная книга «Антидот, или Проверка дурной книги, превосходно изданной под заглавием: Путешествие в Сибирь...», в которой подробно разбиралось, комментировалось и опровергалось сочинение Шаппа д'Отроша. Екатерина II принимала непосредственное участие в написании «Антидота». Вопрос о русском национальном характере и русских нравах был вновь затронут.

Это было только начало дискуссии о русских нравах, русской душе и т. п. Вот ее ближайшие этапы. В 1783 г. Д.И. Фонвизин поместил в третьей части журнала «Собеседник любителей российского слова» вопросы, среди которых был и вопрос о русском национальном характере. Ему отвечала сама императрица Екатерина II. В 1786 г. в драматическом сочинении «Из жизни Рюрика» Екатерина II снова обращается к этой теме. Особенности русского характера в пьесах «Рослав» (1783) и «Вадим Новгородский» пытался вывести Я. Б. Княжнин. В повестях «Натаалья боярская дочь» (1792), «Лиодор» (1792) и в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) о русском характере рассуждает Н.М. Карамзин. К обсуждению русских нравов подключается русская

публицистика. В журнале «Зритель» в 1793 г. П.А. Плавильщиков публикует статью «Нечто о врожденном свойстве душ русских», а в 1802 г. в журнале «Корифей» выходит его «Мнение о характере русских». К этой теме на страницах своих сатирических журналов неоднократно обращается Н.И. Новиков.

Особая роль в разработке проблемы русских нравов принадлежит Ивану Никитичу Болтину (1735–1792), одному из возможных авторов «Антидота». В 1788 г. в двухтомных «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» он подверг тщательному разбору сочинения французских историков Н.П. Леклерка, с 1782 г. в Париже начавшего выпускать шеститомную «Физическую, моральную, гражданскую и политическую историю древней и современной России» и П. Левека, в 1782–1783 гг. опубликовавшего пятитомную «Историю России». Болтин отмечал самобытность русской истории и неприменимость к России мерок чужой культуры: «О России судить, применяясь к другим государствам европейским, есть то ж, что сшить на рослого человека платье по мерке, снятой с карлы. Государства европейские во многих чертах довольно сходны между собой; зная о половине Европы, можно судить о другой, применяясь к первой; но о России судить таким образом не можно, понеже она ни в чем на них не похожа» [8, с. 152–153].

Сама просвещенная императрица Екатерина II не удовлетворилась одним критическим разбором измышлений европейских историков и принялась в 1783 г. при содействии своих помощников, среди которых был и Болтин, по собственному выражению «марать по истории», т. е. составлять объемный исторический труд – «Записки, касательно российской истории». В письме к барону Ф.М. Гримму она так аннотировала свое сочинение: «Это выйдет противоядие негодникам, уничтожающим Российскую историю, каковы Леклерк и учитель Левек, оба скоты, и не прогневайтесь, скоты скучные и глупые» [9, с. 88]. По подсчетам историков более восьмидесяти процентов текста «Записок» написаны самой Екатериной II. «Записки» печатались в издаваемом Екатериной II и Е.Р. Дашковой «Собеседнике любителей русского слова».

Сочинение И.Н. Болтина с критикой Леклерка спровоцировало новую полемику. Одним из источников работы Леклерка были сведения по русской истории, переданные ему историографом кн. Михаилом Михайловичем Щербатовым (1733–1790), автором семитомной «Истории Российской с древнейших времен» (1770–1791). Щербатов посчитал себя лично задетым критикой Болтина и напечатал в 1789 г. «Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю в оправдание на некоторые сокрытые и явные охуления... от г. генерал-майора Болтина». В том же году Болтин опубликовал «Ответ генерал-майора Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской истории» и приступил к придирчивому разбору главного труда Щербатова – «Истории Российской с древнейших времен». Двухтомные «Критические примечания генерал-майора Болтина на Историю князя Щербатова» вышли в 1793 и 1794 гг. уже после смерти обоих историков.

Обсуждению роли нравов в истории Щербатов посвятил свой знаменитый памфлет «О повреждении нравов в России», написанный, по-видимому, в середине 1780-х годов, но опубликованный значительно позже, А.И. Герценом только в 1858 г. в Лондоне. «В истину могу я сказать, – писал Щербатов в начале своего сочинения, – что естли вступя позже других народов в путь просвещения, нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов, – мы в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей. Но тогдаже с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов...» [10, с. 2–3].

Обсуждение русских нравов, сопровождавшее критику культурных заимствований, не прошло бесследно. Со второй половины XVIII в. начинается процесс становления русской национальной культуры, а благодаря дискуссиям последней трети XVIII начинает формироваться и русское национальное сознание. Близкое соприкосновение с иной, в данном случае европейской культурой, способствовало осознанию самобытных начал русской исторической жизни, выработке новой проблематики, например, о русском национальном характере, русской душе и т. п. К концу XVIII в. принцип национальной идентичности сменил средневековую религиозную идентичность. Теперь «русский» осознавался

уже не только и столько как «православный», а как носитель русской культуры и языка. Именно достижения русской культуры и русский язык, активно вырабатывавший свою литературную норму, стали основой новой идентичности – национальной. В полной мере эта новая идентичность и новое самосознание – национальное – проявились в войне 1812 г., которая и стала смысловым завершением XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Ван Цзюнь Тао, Погодин С.Н., Терехов А.Э., Цыб А.В., Ягья В.С.** Исследовательский проект: «Китай и Россия: идеологии национализма. Сравнительно-исторический анализ // Россия в глобальном мире. 2015. № 6 (29). С. 266-279.
- 2.** Автобиография Г.Ф. Миллера. Описание моих служб // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 153.
- 3. Ломоносов М.В.** Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. М., 1986. С. 391–392.
- 4. Ломоносов М.В.** Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского. Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г. // Ломоносов М.В. Избр. произведения. В 2-х томах. Т. 2. М., 1986. С. 21.
- 5. Ломоносов М.В.** Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и Королевской шведской академий наук // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. М., 1986. С. 48.
- 6.** Всякая всячина. [СПб.,] 1769. С. 35–36.
- 7. Сумароков А.П.** Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Ч. IX. С. 315–316.
- 8. Болтин И.Н.** Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 2. С. 152–153.
- 9.** Русский архив. 1878. № 10. С. 88.
- 10. Щербатов М. М.** О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России кн. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М., 1985. С. 2–3.